

Я вбежал во двор и увидел дедушку, загораживающего мне дорогу плечами, и мужчину в костюме, стоящего ко мне спиной и пытающегося ворваться в дом. Дедушка не двигался с места, и мужчина, кажется, сердился, протягивая руку, чтобы толкнуть его.

— Что вы делаете? — я испугался, что он причинит дедушке вред, поэтому бросился вперед в два шага, загородив его собой.

Когда я посмотрел в лицо мужчине, то понял, что это тот человек в темных очках. Так это тот псих, преследующий маленькую девочку?

Когда дедушка увидел, что мы вернулись, он мгновенно воспрянул духом, схватил меня за рубашку и начал жаловаться:

— Мян-Мян, наконец-то ты вернулся! Этот парень такой странный, он вдруг подошел и сказал, что хочет увидеть Цюцю. Какое отношение к нему имеет пятилетняя девочка?
— негодуяще восклицал он.

Я повернулся, чтобы заглянуть в дом, но не увидел там никаких признаков Янь Ванцю.

— Где она?

— В комнате дремлет, — тихо ответил дедушка.

Пока он говорил, предмет нашего разговора спустился по лестнице, протирая глаза. Должно быть, ее разбудили крики.

— Чайное яйцо... дедушка, не пора ли поесть... — сонливость затуманила ее черты, и на щеке, от циновки, где она спала, остались красные пятна.

Человек в темных очках, который только успокоился, при звуке голоса Янь Ванцю снова начал злиться и кричать ее имя, пытаясь проникнуть внутрь.

— Цюцю! Цюцю! Это папа, Цюцю, иди сюда и дай мне увидеть тебя, Цюцю....

Мы с дедушкой оттолкнули его от двери, беспорядочно размахивая руками и ногами. Бабушка пользуясь этой возможностью, поспешила в дом и закрыла дверь, устраняя любую возможность проникновения мужчины.

— С вами что-то не так? Ее отец в полном порядке, и о чем ты вообще говоришь? — сердито спрашивает дедушка. — Если вы сейчас же не уйдете, я действительно вызову полицию!

Пока дедушка бушевал, я стоял в шоке.

Потому что раньше я мельком видел индекс настроения этого человека, когда он заметил Янь Ваньцю. Он был счастлив. Счастлив видеть ее, и не в извращенном смысле.

Была ли вероятность, что он говорил правду, что он соседский господин Ван*, а не какой-нибудь сумасшедший педофил?

П.п.: Мян-мян предполагает, что этот мужчина наставил рога Яню, «господин Ван» - аналог Молочника (по анлейту), или любовник по-русски.

— Ее отец не этот человек, а я! Я готов сделать анализ ДНК, чтобы доказать это! — мужчина ударил себя по груди, полный уверенности.

Солнце палило жаром, набирая обороты на целый день. Утренняя поездка отдать дань уважения мертвым отняла у меня все силы. Солнце светило мне прямо в лицо, от волнения я покрылся потом, и у меня начала кружиться голова.

— Сэр, даже если то, что вы говорите, правда, вы не можете так себя вести, — уговаривал я его. — Почему вы никак не успокоитесь? Вы только напугаете девочку, если будете и дальше себя так вести.

Уныние затуманивало глаза человека, и его движения становились все менее неистовыми. И как раз в этот момент, как будто судьба все спланировала, к нашему двору подъехал знакомый внедорожник. Янь Куншань выскочил из машины, его лицо выглядело пугающе грозно.

Я понятия не имел, как ему удалось так удачно выбрать время.

— Дин Байчжоу! — Янь Куншань бросился прямо перед женщиной, его голос был такой холодный, что, несмотря на разгар лета, наши спины как будто стали ледяными. — Что я тебе раньше говорил? Ты уже забыл?

Раньше индекс настроения человека в темных очках всегда был синим при виде Янь Куншаня, но на этот раз, как будто его эмоции накопились до извержения, он сразу же стал красным.

— Какое ты имеешь право не пускать меня к собственной дочери? — сердито спросил он. Он подошел к Янь Куншаню и добавил: — Ты такой, твоя сестра такая, вы пренебрегаете своими обязанностями!

Они оба так разозлились, что, похоже, вот-вот собирались драться. Я оттянул мужчину в темных очках назад обеими руками, пытаюсь остановить его из страха, что кто-то пострадает.

— Господин, успокойтесь. Вам не нужно так злиться.

Мужчина нахмурил брови и оттолкнул меня в сторону.

— Это не твое дело, убирайся!

Потеряв равновесие, я упал. Последнее, что я слышал, это потрясенный крик бабушки. А затем вспышка боли пронзила мою голову. Следующее воспоминание - я лежу на земле.

Когда я неуверенно приподнялся, ко мне подбежал бабушка, судя по голосу, он вот-вот готовился заплакать.

— Мян-Мян, милое дитя, не пугай меня! — он держал мое лицо. — Ты истекаешь кровью... Мян-Мян?..

Я чувствовал, как по моему виску стекала жидкость. Мне не повезло, я успел удариться головой о стену рядом. Грубая поверхность стены царапнула мою голову, оставив после себя рану, которая, судя по ощущениям, словно горела. Я поднес руку к виску и опустил ее. Бабушка был прав, я истекал кровью.

— Бабушка, не волнуйся. Я в порядке, — начала я успокаивать его, поворачивая голову.

— Я не хотел... — человек в темных очках не мог знать, насколько слабы мои ноги, что достаточно было простого толчка, чтобы я упал на землю и ударился. — Я-я едва толкнул! — воскликнул он в явном шоке.

Прежде чем он успел продолжить, разъяренный Янь Куншань схватил его за воротник и ударил.

— Дин Байчжоу, умереть хочешь?

Он толкнул мужчину к стене и снова ударил его.

Дин Байчжоу не сопротивлялся, все силы покинули его после двух ударов в лицо. Он выглядел ошеломленным, кровь текла из носа. Он застонал от боли. Когда Янь Куншань поднял руку, чтобы ударить его снова, он задрожал от страха.

Янь Куншань был так зол, что его индекс настроения стал кроваво-красным, и мое сердце подпрыгнуло в страхе, что ситуация обострилась до точки невозврата и что кто-то в конечном итоге умрет.

Ничего не объясняя дедушке, я заставил себя подняться с земли и бросился вперед, чтобы обхватить руками талию Янь Куншаня.

— Хватит, хватит, хватит! Ты собираешься убить его. Цюцю все еще в доме!

Я почувствовал, как его тело на мгновение напряглось, а потом он успокоился, словно раздумывая, слушать меня или нет.

Я сжал руки, желая заставить его двигаться. Мускулы на его теле были подобны камням, каждый отдельный мускул излучал ужасающую силу через тонкий материал его одежды.

— Почему молодые люди всегда прибегают к насилию? Отпусти его, давай поговорим по-хорошему, — дедушка наконец-то взял себя в руки и пришел выступить в роли миротворца. Он сказал Дин Байчжоу. — Не двигайтесь, я заставлю его отпустить от вас, но не глупите, слышите? Вы не сможете победить его.

Все, что я услышал, это тихий звук согласия от мужчины. В моих руках мышцы Янь Куншаня медленно расслабились, и через мгновение он опустил кулаки, отпуская Дин Байчжоу. Я тоже ослабил хватку.

Как раз в тот момент, когда я собирался вздохнуть с облегчением, громкие сирены пронзили тихую улицу, и черная полицейская машина припарковалась перед нашим домом. Из нее вышел старший полицейский, на вид лет пятидесяти.

— Кто вызвал полицию? — спросил он сразу же, как только вошел.

Мы вчетвером переглянулись. Никто не ответил.

Затем дверь позади нас приоткрылась. Бабушка высунула голову.

— Я, — призналась она, поднимая руку.

И вот что произошло: она осталась дома с ребенком, а меня, Янь Куншаня, Дин Байчжоу и дедушку отвезли в полицейский участок.

Это был первый раз в моей жизни, когда я был в полицейском участке, кроме того, когда я делал свои фотографии удостоверения личности, и я был так сильно взволнован, что даже не знал, куда деть глаза.

— Посмотри на парня, у него из-за вас все лицо пострадало! Вы должны подумать о своих действиях! — старый полицейский держал в одной руке металлическую кружку с чаем, а другой барабанил пальцем по столу. — Запиши, запиши все.

После того, как нас доставили в участок, офицер сделал нам строгий выговор, и из-за того, что Янь Куншань и Дин Байчжоу ввязались в драку, они также были вынуждены написать тысячу слов рефлексивного эссе о своих проступках, прежде чем разбирательство могло продолжаться.

Янь Куншань успокоился и взял бумагу для эссе. Слова текли из его пера плавно и легко, перо двигалось, как танцующий дракон. Через полчаса он закончил.

Офицер посмотрел на него и засмеялся.

— Ты, должно быть, много их писал в прошлом. Это похоже на образец всех саморефлексивных эссе.

Уголки губ Янь Куншаня приподнялись.

— Я был непослушным ребенком, меня заставляли много писать.

Офицер сложил листок пополам и засунул его в нагрудный карман, затем предложил Дин Байчжоу писать быстрее. Другой мужчина выглядел жалким, с салфетками, заткнутыми в ноздри, растянувшись на столе, он боролся с бумагой. Он продолжал в отчаянии чесать голову. Честно говоря, он был очень похож на меня, когда я сдавал экзамены...

— И вот что случилось, этот человек сделал первый шаг, — дедушка стоял в стороне, рассказывая молодой женщине-офицеру всю последовательность событий. — Моему внуку всего восемнадцать, и он только что поступил в университет, к тому же он такой красивый. Кто возьмет на себя ответственность, если что-то случится с его головой? Да, насилие — это неправильно, но господин Янь просто делал это из самозащиты! Не делайте здесь никаких ошибок!

Дин Байчжоу поднял голову, не в силах удержаться, чтобы не объяснить:

— Я действительно не хотел причинить ему боль...

— Ты думаешь, ваше намерение имеет значение? Если вы причинили кому-то боль, то вина уже есть, перестаньте пытаться оправдать это! — резко вмешался старый офицер.

Я почувствовал, как кто-то толкнул меня в ногу. Под столом Янь Куншань вытянул ногу, и верх наших ботинок соприкоснулся. Я пристально посмотрел на него.

Он смотрел на мой висок и, кажется, чувствуя, что я гляжу на него, опустил глаза, чтобы встретиться со мной.

— Тебе больно? — беззвучно спросил он, его губы складывались в слова.

Я чувствовал себя так, будто меня наэлектризовали, от того места, где наши ноги соприкасались, до виска, где моя рана тупо пульсировала.

Я качнул головой, давая ему понять, что все не так уж плохо.

Рана выглядела ужасно, но кровотечение прекратилось очень рано, и теперь она болела только тогда, когда я шевелил бровями.

Через пять минут Дин Байчжоу вернулся к своему эссе. Старый коп с некоторым отвращением разглядывал его и, кажется, заставил себя принять его и спрятать в карман.

— Хорошо, тогда расскажи мне, что происходит, — он поставил свой чай на стол, где сел во главе стола, а мы вчетвером по обе стороны. Вопрос был адресован Дин Байчжоу.

Мужчина, о котором шла речь, украдкой посмотрел на Янь Куншаня, прежде чем пробормотать:

— Он не позволяет мне видеть мою дочь.

— Почему вы не позволяете ему видиться с дочерью? — офицер повернулся к Янь Куншаню.

Янь Куншань поджал губы и ничего не ответил. Ясно, что у него не было никакого желания говорить об этом при всех. Через некоторое время офицер, теряя терпение, повторил свой вопрос.

— Она не его дочь, — ответил он наконец, не имея другого выбора, кроме как сказать что-нибудь.

Дин Байчжоу мгновенно разозлился, крича:

— Не моя дочь? Цюцю родилась через восемь месяцев после того, как мы с Синьей расстались пять лет назад. Почему она не моя дочь?

Янь Куншань внезапно вскочил, упирая ладони в стол, как будто собирается наброситься на мужчину.

— Ты не имеешь права упоминать мою сестру, — голос у него был низкий, а глаза такие темные, что их можно было сравнить с бездонными пропастями.

Дин Байчжоу решил вдруг стать честным. Он откинулся на спинку стула и тихо произнес:

— Тогда я еще не знал, что она беременна...

— Ну и что бы поменялось? Разве ты не уехал бы из страны и не женился бы на другой? — перебил Янь Куншань холодным голосом. — Ты бросил женщину, которая была с тобой десять лет, ради возможности уехать из страны и жениться на богатой. Что, теперь ты жалеешь о своем выборе, когда вдруг обнаружил, что у тебя есть ребенок? Перестань мне противиться.

Когда я думал, что этот человек педофил, он превратился в соседского господина Вана. Как только я подумал, что он соседский господин Ван, он превратился в современного Чэнь Шимэя*.

П.п.: Чэнь Шимэй - персонаж из китайской оперы. Он глупый человек, который бросает свою любимую чтобы жениться на другой женщине. Его имя часто используется для описания подобных типов мужчин.

И Янь Куншань не отец, как я предполагал, а дядя?

— Я... — губы Дин Байчжоу задрожали. Его лицо покраснело, потом побледнело. — Я обидел твою сестру, когда мы были с ней в отношениях. Но тебе не следовало прятать от меня ребенка.

— Ты должен перестать нести свою чушь, — тон Янь Куншаня становился угрожающим. — Не заставляй меня бить тебя здесь.

Дин Байчжоу замолчал.

— Простите? Что у вас за отношение? Неужели никто не воспринимает меня всерьез? — старый коп стукнул кулаком по столу. Он повернулся к Дин Байчжоу. — Скажи мне, чего ты хочешь.

— Я хочу поговорить со своей дочерью, пообщаться с ней, иметь с ней отношения! — слова вырвались из него мгновенно; ясно, что он долго думал об этом.

Полицейский повернулся к Янь Куншаню.

— А вы что думаете?

Мой сосед откинулся на спинку стула с упрямым выражением лица. Поднял подбородок и посмотрел прямо на Дин Байчжоу.

— Только в твоих снах, — выплюнул он.

Коп понимающе кивнул.

— Ладно, значит, никакого решения не будет. Тогда вы должны обратиться в суд и использовать закон, чтобы защитить себя, — повернувшись к Дин Байчжоу, он добавил: — Прежде чем спор будет улажен, не вторгайтесь в их собственность. Это незаконно, понятно? Если мне еще раз позвонят на дом, мне придется угостить вас обедом в тюрьме.

Дин Байчжоу ошеломленно посмотрел на копа, потом перевел взгляд на меня и Янь Куншаня. Он указал на нас трясущимся пальцем, заговорив:

— Вы... вы все за одно, да? Вы, гнилые ублюдки!

Дин Байчжоу внезапно встал, его грудь вздымалась и опускалась. Он яростно смотрел на Янь Куншаня и с бумагой в носу выглядел почти комично.

— Это еще не конец! — предупредил он, прежде чем выйти и захлопнуть за собой дверь.

Увидев, что Дин Байчжоу ушел, дедушка толкнул локтем женщину-офицера, с любопытством спрашивая:

— Сестрица, а что только что произошло?

<http://bllate.org/book/12676/1122955>